

СВЕРННЫЯ ЗАПИСКИ

*Литературно-политический
Ежемесячникъ*

ФЕВРАЛЬ

1913

Новооткрытыя страницы Пушкина.

Составившая эпоху въ исторіи русской прессы «Литературная Газета» 1830 г. и своимъ появленіемъ, и самымъ существованіемъ, какъ уже давно въ общихъ чертахъ извѣстно, была обязана главнымъ образомъ Пушкину. Его другъ, баронъ А. А. Дельвигъ, получившій отъ правительства разрѣшеніе на нее, былъ издателемъ «Газеты», но ея вдохновителемъ и главною силою былъ Пушкинъ. Великому писателю давно хотѣлось создать органъ чистой литературы и литературной критики и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить пагубное вліяніе на младенческую еще общественную мысль «Сына Отечества» и «Сѣверной Пчелы» Греча и Булгарина. Пушкинъ былъ убѣжденъ, что въ послѣднее пятилѣтіе Александровскаго царствованія онъ одинъ „имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство [народнаго просвѣщенія, въ рукахъ котораго находилась тогда и цензура], несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ“. О расширеніи этихъ «средствъ» онъ никогда не переставалъ мечтать—вплоть до возникновенія «Современника». Издатель «Московского Телеграфа» Н. А. Полевой не оправдалъ надеждъ, которыя на него возлагали прогрессивные читатели, и не велъ борьбы съ петербургскими монополистами печати. Спаль съ взятаго по началу тона другой московскій журналъ, «Московский Вѣстникъ», созданіе веневиновскаго кружка. Пушкинъ, который въ 1828 г. совѣтовалъ его руководителю, Погодину, «терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и особенно настойчивостью оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности», охладѣлъ съ теченіемъ времени къ «Московскому Вѣстнику». Группа, во главѣ которой стоялъ Пушкинъ, и къ которой примыкали кн. П. А. Вяземскій, Боратынскій, Жуковскій, осталась безъ собственнаго журнала. Дельвига тогда, какъ замѣчаетъ его біографъ В. П. Гаевскій («Современникъ», т. XLVII, отд. III, стр. 38), «упросили» издавать органъ Пушкинской литературной группы, и Пушкинъ, конечно, сталъ душою новаго журнала и его усерднымъ участникомъ. Въ «Литер. Газетѣ» 1830 г. Пушкинъ помѣстилъ большой разборъ перваго тома «Исторіи русскаго народа» Полевого, отрывки изъ «Арапа Петра Великаго» и «Путешествія въ Арзрумъ» и рядъ стихотвореній и критическихъ и полемическихъ статей и замѣтокъ. «Литературную Газету» Пушкинъ самъ настолько считалъ своимъ созданіемъ, что, издавая «Современникъ», заявилъ во всеуслышаніе: «Современникъ по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному

образу мѣтній о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ Литературной Газеты». Въ этихъ словахъ, подтверждаемыхъ многими другими данными, ясно читается признаніе: «Литерат. Газета» — это я!—Молодой Ив. Кирѣевскій писалъ въ началѣ 1830 г. своему отчиму, А. А. Елагину: «на «Литерат. Газету» подпишется непремѣнно, милый другъ папенька. Это будетъ газета достоинства европейскаго, большая часть статей въ ней будетъ писана Пушкинымъ, который открылъ средство въ критикѣ, въ простомъ извѣщеніи объ книгѣ, быть такимъ же поэтомъ, какъ въ стихахъ» (Соч. Ив. Кирѣевскаго, изд. 1911 г., т. I, стр. 18—19).

Значительная часть членовъ Пушкинскаго кружка и привлеченныхъ имъ сотрудниковъ охладѣла къ начинанію, какъ водится у насъ, слишкомъ быстро. «Всѣ эти основатели газеты», какъ выражается Анненковъ, «помогали ей въ послѣдствіи болѣе совѣтами, чѣмъ произведеніями своими» («Общественные идеалы Пушкина» — «Вѣстн. Европы» 1880, июнь, 599). Самъ Дельвигъ въ началѣ января уѣхалъ въ Москву и оставилъ газету на рукахъ Пушкина, который жаловался вскорѣ Вяземскому: «скучно издавать газету одному...» «Александръ Пушкинъ до пріѣзда Дельвига надзираетъ за издаваніемъ «Литерат. Газеты»,—писалъ 8 января С. Т. Аксакову драматургъ князь А. А. Шаховской, который далъ Пушкину обѣщаніе прислать въ газету отрывокъ изъ своей новой пьесы («Русск. Архивъ» 1873 г., I, ст. 472, 474).

Газета выходила «и въ отсутствіе Дельвига» — говоритъ Гаевскій (тамъ же, 41)—«прежнимъ порядкомъ при дѣятельномъ участіи Пушкина и князя Вяземскаго, многія сочиненія которыхъ являлись въ газетѣ безъ подписи». Уже по возвращеніи въ Петербургъ Дельвигъ спрашивалъ Пушкина, тогда въ свою очередь уѣхавшаго въ Москву: «доволенъ ли ты продолженіемъ газеты?», т. е. продолженіемъ дѣла, начатаго самимъ Пушкинымъ.

Эти и подобныя указанія на выдающееся участіе Пушкина въ «Литерат. Газетѣ» какъ-то мало привлекали вниманіе издателей сочиненій Пушкина и собирателей его авторскаго наслѣдія, и «Литерат. Газета» не подвергалась въ этомъ отношеніи детальному обслѣдованію. Еще Бѣлинскій въ 1841 г. писалъ: «сколько еще въ журналахъ статей, которыя публика читала, не зная, что авторъ ихъ—Пушкинъ!» и говорилъ о «множествѣ мелкихъ статей» въ «Литературной Газетѣ». Анненковъ («Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. 1855 г., стр. 250—251) заявлялъ: «много отдѣльныхъ замѣтокъ, мѣткихъ, исполненныхъ остроумія, было помѣщено на листкахъ газеты, но мы уже не можемъ указать ихъ читателямъ. Онѣ не были имъ подписаны и не сохранились, къ сожалѣнію, въ рукописяхъ поэта, а завѣренія и свидѣтельства его друзей, какъ преданія словесныя, не придають дѣлу той юридической достовѣрности, которая необходима для опредѣленія литературной собственности». Въ другомъ мѣстѣ Анненковъ, возвращаясь къ этому вопросу, говоритъ: «А. С. Пушкинъ весьма много писалъ для газеты, издававшейся однимъ изъ самыхъ близкихъ ему людей, но большая часть статей этихъ не сохранилась въ черновыхъ бумагахъ и такимъ образомъ не можетъ быть признана за нимъ съ

достоверностью, хотя въ нѣкоторыхъ, преимущественно мелкихъ критическихъ замѣткахъ, рука его чувствуется довольно ясно» (Анненковское изд. сочин. Пушкина, V, 633). При дальнѣйшихъ своихъ занятіяхъ Пушкинымъ Анненковъ указалъ еще нѣкоторыя «замѣтки его, появившіяся въ смѣси «Литерат. Газеты» и не попавшія ни въ одинъ изъ сборниковъ его твореній» («Обществ. идеалы», стр. 601). Слѣдующіе издатели удовлетворились сообщеніями Анненкова, и вопросъ о дѣйствительныхъ размѣрахъ участія Пушкина въ «Лит. Газетѣ» долго нигдѣмъ не обсуждался. Нельзя не пожалѣть о проявленномъ Анненковымъ недоверіи къ «завѣреніямъ и свидѣтельствамъ друзей» Пушкина; мы не знаемъ, о комъ говорилъ Анненковъ, но если это были люди литературныхъ интересовъ, вроде Соболевскаго, Вяземскаго или Кирѣевскаго, то ихъ показанія стоили бы «юридической достоверности». Но и самъ Анненковъ признавалъ возможность кое-гдѣ довольно ясно чувствовать руку Пушкина.

Нѣсколько лѣтъ назадъ впервые обратился непосредственно къ «Лит. Газетѣ» пишущій настоящія строки, и результатомъ этой работы было небольшое изслѣдованіе, которымъ удалось установить принадлежность перу Пушкина нѣсколькихъ критическихъ и полемическихъ статей и замѣтокъ; въ двухъ-трехъ случаяхъ авторство Пушкина опредѣлено съ несомнѣнной «юридической достоверностью», и эти статьи уже включаются (напр., С. А. Венгеровымъ) въ собраніе сочиненій Пушкина.

Помимо всякихъ историческихъ и непрерываемо-документальныхъ основаній, Анненковъ и другіе изслѣдователи, молчаливо удовлетворившіеся его данными, не потрудились прежде всего учесть одну весьма важную при рѣшеніи интересующей насъ задачи функцію. Это—стиль писателя, его «рука» (какъ слабо намекнулъ Анненковъ), его индивидуальная физиономія, его темпераментъ. Чѣмъ писатель значительнѣе, тѣмъ эти черты рѣзче и опредѣленнѣе, и Кирѣевскій былъ вполнѣ правъ, считая Пушкина въ газетныхъ статьяхъ «такимъ же поэтомъ, какъ въ стихахъ». Это главное, но это еще не все. Пушкинъ для насъ—весьма ясная литературная личность. Мы знаемъ систему его убѣжденій, концепцію его критическихъ взглядовъ; знаемъ также, какія онъ могъ (и при тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ мы говоримъ, онъ одинъ только могъ) высказывать литературныя мнѣнія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ допустить, что иная анонимная статья написана не Пушкинымъ, значить—допустить одновременное существованіе никому не извѣстнаго втораго Пушкина. Возвращаясь въ частности къ «Лит. Газетѣ», мы для установленія пушкинскаго авторства примѣнили также методъ «исключенія». Всѣ эти данныя въ совокупности позволяютъ намъ приписывать Пушкину еще нѣсколько анонимныхъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г. Не довольствуясь, конечно, этимъ предварительнымъ объясненіемъ, мы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ излагаемъ доводы, продиктованные намъ такое мнѣніе.

Предлагаемая вниманію читателя статьи, за исключеніемъ послѣдней, помѣщены въ отдѣлѣ «Смѣсь», гдѣ печатались «замѣ-

чаія на нѣкоторыя статьи русскихъ журналовъ, короткія выписки изъ книгъ и повременныхъ изданій иностранныхъ, ученые извѣстія, анекдоты еще неизвѣстные въ нашей литературѣ, мнѣнія касательно нѣкоторыхъ предметовъ словесности» и т. под. Въ этомъ отдѣлѣ Пушкинъ не разъ пробовалъ свою полемическую силу и именно въ «Смѣси» нанесъ рядъ жестокихъ ударовъ Булгарину. Вообще, это была самая живая часть журнала. Приводимъ приписываемыя нами Пушкину пять статей, съ сохраненіемъ ореографіи, въ порядкѣ ихъ появленія, въ №№ 5 (21 января), 24 (26 апрѣля), 50 (3 сентября), 53 (18 сентября) и 60 (23 октября, отдѣлъ библіографіи).

I.

Изъ № 5, 21 января, стр. 40:

Когда Макферсонъ издалъ *Стихотворенія Оссіана* (переводъ, подражаніе или собственное сочиненіе, — этотъ вопросъ, кажется, доселѣ еще не рѣшенъ), тогда всѣ съ восхищеніемъ читали ихъ и перечитывали. «Никто еще не былъ *опечаленъ* мыслию, (говоритъ Вилльменъ), что удивляясь симъ поэтическимъ пѣснямъ, онъ удивлялся современнику. Всѣ чувствовали *удовольствіе безъ при-
мѣси*, то есть, читали превосходныя поэмы и не обязаны были за нихъ благодарностью *никому изъ живыхъ людей*». Потомъ начали догадываться, допытываться, и дознались (въ правду или нѣтъ), что поэмы Оссіановы были поддѣльныя, новѣйшія произведенія, словомъ: что ихъ создалъ самъ Макферсонъ. Извѣстный критикъ Докторъ Джонсонъ, человѣкъ отмѣнно грубый, сильно напалъ на Макферсона и называлъ его обманщикомъ и злоумышленнымъ дѣлателемъ подлоговъ. Закипѣла жаркая война на перьяхъ. И вотъ образчикъ тогдашней полемики: отвѣтъ Д. Джонсона на письмо Макферсона, который гордо изъявлялъ свою досаду на обидное невѣріе Англійскаго критика.

Г. Джемсъ Макферсонъ!

«Я получилъ ваше глупое и безстыдное письмо. Я всѣми мѣрами буду стараться отражать всякое насильственное противъ меня покушеніе; а чего не могу сдѣлать самъ, то сдѣлаютъ за меня законы. Надѣюсь, что угрозы какого-нибудь негодяя никогда не отклонятъ меня отъ стремленія—изобличать обманъ.

«Какого себѣ оправданія требуете вы отъ меня? Я считалъ вашу книгу подложною, и теперь ее считаю таковою жъ. Въ подтвержденіе сего мнѣнія, я представилъ публикѣ причины, которыя вызываю васъ опровергнуть. Я презираю ваше бѣшенство. Ваши дарованія, по изданіи въ свѣтъ вашего Гомера, кажется, не слишкомъ опасны; а слышанное мною о вашемъ характерѣ заставляеть меня обращать вниманіе не на то, что вы скажете, а на то, что вы докажете. Это письмо вы можете напечатать, если хотите».

Въ поясненіе нѣкоторыхъ словъ сего письма, должно сказать, что Макферсонъ, обольщенный успѣхомъ своего Оссіана, перевелъ Гомеру Иліаду Оссіановскимъ слогомъ и весьма неудачно.

Предлагаемъ это письмо, какъ поучительный примѣръ для нашихъ журнальныхъ Критиковъ. И почему нашимъ *Аддисонамъ* не быть и нашими *Джонсонами*?

Въ составѣ сотрудниковъ «Литерат. Газеты», вообще многочисленномъ, Пушкинъ былъ единственнымъ интересовавшимся англійской литературой. № 5, въ которомъ помѣщена эта замѣтка, былъ одинъ изъ составленныхъ Пушкинымъ лично. Для этого № онъ далъ также рецензію на «Юрія Милославскаго» и извѣщеніе о запискахъ палача Самсона и, кромѣ того, исправилъ стихи Вяземскаго «Къ нимъ» (объ этомъ см. письма Боратынскаго къ Вяземскому въ «Старинѣ и Новизнѣ», V, 49—50, и Сочин. Вяземскаго, IV, стр. 74—75 и II—III). Пушкину въ изданіи газеты помогали О. М. Сомовъ, работникъ трудолюбивый, но недалекій. На немъ лежала черная работа, и отвѣтственные роли ему не поручались, а эта замѣтка, направленная противъ отечественныхъ «Аддисоновъ и Джонсоновъ» была, разумѣется, весьма отвѣтственнымъ выпадамъ противъ русскихъ полемистовъ, на грубые и дерзкіе приемы которыхъ Пушкинъ жаловался не разъ. На примѣръ Джонсона онъ хотѣлъ показать, какъ далеко можно зайти въ этомъ направленіи. Русскій «Аддисонъ», конечно, Булгаринъ. Аддисономъ Пушкинъ называлъ его въ насмѣшку. Булгаринъ велъ свой журналъ въ «нравственно-сатирическомъ» духѣ, представителемъ котораго, въ прямомъ смыслѣ слова, былъ Адиссонъ со своимъ журналомъ «*Spectator*».

II.

Изъ № 24, 26 апрѣля, стр. 193—194.

«Мнѣ всё совѣтуютъ», говорилъ однажды Л. Байронъ Капитану Медвину, «написать эпическую поэму. Вы мнѣ то же намекаете, что я не оставлю ни одной большой поэмы. Я думаю, что поэтъ *большой поэмой* вы разумѣете поэму тяжелую, или, такъ сказать, поэму увѣсистую. По-моему, оба эти прилагательныя однозначачи. Вы говорите, что *Чильдъ-Гарольдъ* неровенъ; что обѣ послѣднія пѣсни несравненно выше двухъ первыхъ. Я знаю, что это *вещь* безъ формы и сущности: *живописное путешествіе!* Но кто же въ теперешнее время читаетъ Мильтона? Мое мнѣніе о неравенствѣ моихъ поэмъ таково, что онѣ не лучше и не хуже однѣ другихъ. Что касается до поэмъ эпическихъ, то развѣ нѣтъ у васъ поэмъ Сутея? У него есть и *Іоанна д'Аркъ* и *Проклятіе Кегамы*, и Богъ вѣсть еще сколько проклятія, до *Послѣдняго Готта* (*) включительно! Если вамъ непременно нужна эпическая поэма, такъ вотъ вамъ *Донъ-Жуанъ*. Вотъ что я называю эпопеей (**):

(*) *Родерикъ, или послѣдній Готтъ*, поэма Сутея (Southey), увѣнчаннаго Поэта (poète laureate) Англійскаго.

(**) Тогда было только пять пѣсней *Донъ-Жуана*, когда Л. Байронъ велъ этотъ разговоръ съ Медвиномъ, записанный симъ послѣднимъ чрезъ полчаса послѣ.

это эпическая поэма въ духѣ нашего времени, какъ *Илиада* въ духѣ вѣка Гомера. Любовь, вѣра и политика составляютъ собою предметъ, и въ наши времена производятъ столько же раздоровъ, какъ и въ вѣкахъ отдаленной древности. Нѣтъ недостатка ни въ Парисахъ, ни въ Менелаяхъ, ни въ *crim. conv.* (***) въ добавокъ прочему. Съ первой пѣсни *Донъ-Жуана*, является у насъ Елена. Я сдѣлаю моего героя настоящимъ Ахилломъ въ бояхъ, человѣкомъ, который можетъ трижды сряду погасить свѣчу пулей изъ пистолета; и — вы можете смѣло на меня положиться: у меня будетъ самая чистая нравственная цѣль. Самъ Докторъ Джонсонъ не нашель бы привязаться ни къ одному слову». — Такъ постигалъ Байронъ эпопею нашего времени. Забѣлимъ, что и у насъ на Руси (хотя не друзья, а журнальные Критики) требуютъ отъ Поэта длинныхъ поэмъ, поэмъ эпическихъ, хвалебныхъ. Но вѣдь у нихъ есть двѣ или три Петриады, Наполеонъ въ Россіи, Суворовиды, Александровиды и пр. и пр. Это, конечно, не поэмы Сутея; за то всѣ онѣ, по выраженію Байрона, *поэмы тяжелья, или такъ сказать, поэмы увѣсистыя*: чего-жъ еще желать нашимъ прихотливымъ критикамъ?

Здѣсь имѣются въ виду разнообразныя кривотолки, вызванныя «Онѣгинимъ» и недавнимъ появленіемъ «Полтавы». Пушкинъ, по обыкновенію, защищаетъ полную свободу творчества. Между прочимъ, „Сѣверная Пчела“ (1829 г., № 138) ждала отъ него хвалебныхъ стиховъ въ честь «Эриванскаго героя» Паскевича. «Петриады» упоминаются въ «Онѣгинѣ»; Татьяна промѣниваетъ на Мартына Задеку въ числѣ разнаго книжнаго хлама „двѣ Петриады“. Изъ всего состава „Литерат. Газеты“ только авторъ „Онѣгина“ могъ такъ сочувственно принять Байроновское опредѣленіе „поэта нашего времени“. Для него это было дѣломъ самозащиты.

III.

Изъ № 50, 3 сентября, стр. 114:

Сочинитель *Письма изъ Рима къ Издателю Л. Газеты* (см. № 36) весьма справедливо замѣтилъ, что чужія литературныя ссоры, кривотолки, пристрастныя и недобросовѣстныя сужденія Критиковъ иностранныхъ приносятъ намъ, по слабости человѣческой, «недостойное, но нужное утѣшеніе: *«а! и у нихъ то же!»*— Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ есть что-то утѣшительное. Истинные любители Поэзии часто досадаютъ, видя, какъ наши Лже-Критики ополчаются всѣми силами своего тупоумія противъ того или другаго изъ лучшихъ современныхъ нашихъ Поэтовъ и умысленно не хотятъ въ немъ признать истиннаго таланта, признаннаго всѣми просвѣщенными читателями. Въ утѣшеніе друзьямъ Поэзии и правды,

(***) Сокращеніе словъ: *criminal conversation*, невольная связь; источникъ многихъ процессовъ у Англичанъ, въ слѣдствіе супружеской невѣрности.

напомнимъ имъ приговоръ Edinburgh-Review первымъ произведеніемъ Лорда Байрона. Можетъ быть, мы угодимъ и нашимъ читателямъ, и нашимъ Критикамъ, сообщивъ имъ образчикъ прорицаній сего Эдмбургскаго Оракула Поэтовъ.

Девятнадцати-лѣтній Байронъ, вышедъ изъ Кембриджской Коллегіи, издалъ первые свои, школьные стихотворные опыты, подъ заглавіемъ: *Часы досуга* (*). Стихотвореніямъ, помѣщеннымъ въ этой книжкѣ, напечатанъ былъ въ Edinburgh-Review самый строгій и беспощадный разборъ. гдѣ между прочимъ Критикъ объявилъ юному Байрону, что ему никогда не бывать Поэтомъ, влепилъ разтянутую, вовсе не остроумную *юридическую* шутку на счетъ *несовершеннolтiя*, которымъ юный Поэтъ будто бы хвалится или оправдывается въ заглавіи своихъ *Часовъ досуга* и въ отмѣткахъ времени, когда написано имъ было каждое стихотвореніе. Все это изложено въ такомъ тонѣ и въ такихъ благородныхъ выраженіяхъ, унизано такими выходками и намеками, что невольно улыбнешься и скажешь: *а! и у нихъ то же!*

Замѣчательно, что Критикъ, упоминая въ числѣ другихъ произведеній молодаго Байрона о его стихотвореніи: *Слеза*, — говорить: «Равнымъ образомъ *превосходные стихи* (exquisites lines) Г-на Роджерса на *Слезу*, должны бѣ были утрашить юнаго Поэта, когда онъ вздумалъ *кропать* объ этомъ же предметѣ». — Въ *превосходныхъ стихахъ*, о коихъ Критикъ упоминаетъ, Самуиль Роджерсъ называетъ глазъ своей Хлои *коралловою кельей* (a coral cell), *источникомъ чувствительности* (a spring of sensibility), *маленькимъ брилльянтомъ* и пр. и пр., и повершаетъ этѣ выисканныя нѣжности слѣдующимъ размышленіемъ: «Законъ, округляющій слезу и заставляющій ее падать изъ своего источника, есть тотъ самый, который сохраняетъ землѣ сферическій ея видъ и указываетъ планетамъ ихъ теченіе» (**). Забавное изтолкованіе закона *тяготѣнія!* Но Роджерсъ, какъ извѣстно, богатый банкиръ, живетъ въ ладу со всѣмъ литературнымъ, особливо журнальнымъ міромъ,

«Онъ милый хлѣбосоль, онъ къ дружеству способенъ»,

говоря стихомъ Боратынскаго; Роджерсъ пышно угощаетъ всѣхъ современныхъ Поэтовъ и Критиковъ: какъ же стихамъ его не быть *превосходными?*.. *Повторимъ еще: а! и у нихъ то же!*

И эту замѣтку, направленную противъ русскихъ «лже-критиковъ» и полемистовъ, мы приписываемъ Пушкину и по слогу, и по содержанію, и по стиху изъ Боратынскаго, котораго Пушкинъ цитировалъ часто, и потому, что въ ней сквозитъ личное раздраженіе, поводъ къ которому ясенъ. Недавно въ статьѣ «Сына Отечества» о «Полтавѣ» говорилось: «Пушкинъ началъ писать въ такихъ лѣтахъ, когда невозможно дѣлать усилій, чтобы быть сти-

(*) Hours of Idleness, by Georges Gordon, Lord Byron a minor. 1809.

(**) That very law which moulds a tear,
And bits it trickle from its source,
That law preserves the Earth a sphere
And guides the planet in their course! Rogers.

хотворцемъ». Н. И. Надеждинъ въ «Вѣстникѣ Европы» придрался къ этому невинному замѣчанію: «начать писать слишкомъ рано?.. Такъ это еще не признакъ гения! Въ противномъ случаѣ, пятнадцатилѣтній юноша, котораго исторію разсказалъ намъ дядюшка обсуживаемаго нами теперь поэта, былъ бы по всѣмъ признакамъ —гений!» Къ этому прибавлено даже прямое указаніе на «прекрасную басню В. Л. Пушкина, въ коей Аполлонъ вершитъ судь свой надъ однимъ пятнадцатилѣтнимъ поэтомъ». Пушкинъ разсердился и сейчасъ же отвѣтилъ Надеждину въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» злой эпиграммой на „взростаго болвана“, «семинариста», автора «лакейскихъ диссертаций». Въ «Литерат. Газетѣ» Пушкинъ, повидимому, намекаетъ на этотъ эпизодъ упоминаніемъ о «шуткѣ насчетъ несовершеннолѣтія» Байрона.

«Онъ милый хлѣбосоль, онъ къ дружеству способенъ»—стихъ изъ одного посланія Боратынскаго къ Гнѣдичу (см. соч. Е. А. Боратынскаго, изд. 4-ое, прилож., 29; «Вѣсы» 1908 г., май, 58). Этотъ «хлѣбосоль»—Булгаринъ. Въ слѣдующемъ году Пушкинъ писалъ въ «Телескопѣ», проводя ироническую параллель между Булгаринимъ и А. А. Орловымъ, что Орловъ «не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, не знающимъ русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ». Другимъ образцомъ подобнаго «хлѣбосола» былъ извѣстный метроманъ графъ Д. И. Хвостовъ, который, какъ Самуэль Роджерсъ, тратилъ большія деньги на печатаніе своихъ произведеній и былъ безкорыстно поддерживаемъ Булгаринской партіей (см., напр., письмо А. Е. Измайлова къ И. И. Дмитріеву въ «Русск. Архивѣ» 1871 г., ст. 1006). Среди участниковъ «Литерат. Газеты» Пушкинъ былъ единственный человѣкъ, знакомый съ англійской литературой настолько, что могъ знать и цитировать третьестепеннаго Роджерса (кстати, онъ сохранился въ библиотекѣ Пушкина—см. «Пушкинъ и его современники», IX—X, 322—323). На сравненіе русскихъ «Эдинбургскихъ оракуловъ» и доморощенныхъ Роджерсовъ съ англійскими, Пушкина навело начало корреспонденціи С. П. Шевырева «Письмо изъ Рима къ издателю Л. Г.» (№ 36, 25 іюня), начинающееся словами: «Вездѣ война, вездѣ люди: въ политикѣ, въ литературѣ и въ искусствѣ. Вамъ, М. Г., какъ журналисту, если надобли свои, то по крайней мѣрѣ любопытны чужія ссоры, которыя слабому человѣку приносятъ недостойное, но нужное утѣшеніе: *а! и у нихъ то же!*»

IV.

Изъ № 53, 18 сентября, стр. 139—140.

Горестно видѣть, что нѣкоторые Критики вмѣшиваютъ въ мѣлочныя выходки и придирки своего недоброжелательства или зависти къ какому-либо извѣстному Писателю, намеки и указанія на личныя его свойства, поступки, образъ мыслей и вѣрованіе. Душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни преду-

предидельный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому-либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пылъ въ глаза черни однѣми своими странностями. Анекдотъ объ отрубленномъ хвостѣ Алкивіадовой собаки всѣмъ извѣстенъ; странныя поговорки, прыжки и увертки Суворова, въ живой еще памяти у всѣхъ Русскихъ.

Лордъ Байронъ часто былъ обвиняемъ въ развратности нрава, своекорыстіи, непомѣрномъ эгоизмѣ и безвѣріи: личные непріатели знаменитаго Поэта, женщины, лжесвяты-методисты и нѣкоторые благосклонные Журналисты безъ умолку такъ о немъ трубили, а одинъ *присяжный* или *увѣнчанный* Поэтъ (*) назвалъ его поэзію *сатанинскою*. На первыя три обвиненія служатъ отвѣтомъ: скорбь благороднаго Поэта послѣ развода съ своенравною его супругой и разлуки съ дочерью: неоднократно имъ изъясненная въ разговорахъ съ друзьями и въ письмахъ, выраженная съ необыкновеннымъ чувствомъ въ прекрасной его элегій: *Прости*, и въ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ станцахъ Чайльдъ-Гарольда; безкорыстныя его пожертвованія въ пользу Грековъ, и даже въ пользу ложныхъ друзей и неблагодарныхъ книгопродавцевъ; благодаренія, оказанныя имъ разнымъ лицамъ въ Итали и въ Турціи; постоянная его дружба съ Шеллеемъ, Гобгоузомъ и примиреннымъ Т. Муромъ, наконецъ, благороднѣйшая и чистѣйшая жертва, принесенная имъ страждущему человѣчеству: смерть его въ стѣнахъ осажденной Миссолонги.—Послѣднее обвиненіе (въ безвѣріи) онъ отчасти самъ отразилъ въ отвѣтѣ своемъ помянутому *увѣнчанному Поэту*. Но вотъ еще анекдотъ, узанный уже по смерти Байрона и служащій свидѣтельствомъ въ защиту его отъ злонамѣренныхъ обвинителей. Анекдотъ сей, кажется, нигдѣ еще не былъ помѣщенъ въ Русскомъ переводѣ.

Лордъ Байронъ долгое время носилъ на груди своей какую-то драгоценность, на лентѣ. Капитанъ Медуинъ думалъ, что это былъ портретъ первой его любовницы. Извѣстный Ориенталистъ, Г. Гаммеръ, напечаталъ въ одной Нѣмецкой газетѣ, что это былъ Восточный *амулетъ*. «Сей амулетъ», говоритъ Гаммеръ, «состоитъ изъ лоскутка бумаги, даннаго какимъ-то Дервишемъ: это списокъ съ условія, заключеннаго (по мнѣнію Магометанъ) между Царемъ Соломономъ и дьяволомъ, въ силу котораго Сатана обязался не дѣлать никакого зла человѣку, который будетъ носить при себѣ сіе рукописаніе, содержащее пять молитвъ: Адама, Ноя, Іова, Іоны и Авраама!» Догадки того и другаго опровергаются слѣдующимъ повѣствованіемъ.

Во время пребыванія Л. Байрона въ Аѣинахъ (въ первое его путешествіе), онъ поселилъ великую къ себѣ пріязнь въ одномъ

(*) Southey, Poète lauréat.

монахъ Францисканскаго монастыря, гдѣ Байронъ остановился на жительство. Монахъ сей назывался отцемъ Бернардомъ. Когда освобожденіе Греціи манило Байрона изторгнуться изъ роскошной и веселой Италіи, тогда, рѣшась на славный свой подвигъ, рассказывалъ онъ однажды друзьямъ своимъ объ этомъ монахѣ.

— «Странное дѣло», говорилъ Байронъ: «отецъ Бернадъ, отдавая мнѣ Христа, Котораго самъ онъ носилъ, сказалъ мнѣ пророческимъ голосомъ: «Ты будешь защитникомъ Христіанъ, ты возвратишься въ Грецію и станешь за правое дѣло вѣрныхъ.... но я не буду обрадованъ свиданіемъ съ тобою: боюсь, что ты не дойдешь до Аѳинъ».—Лордъ Байронъ по сихъ словахъ погрузился въ глубокую задумчивость, которой никто не осмѣлился нарушить; ибо всѣ привыкли видѣть, что онъ бывалъ иногда молчаливъ и какъ бы одинокъ между людьми, когда какая-либо важная, или печальная мысль приходила къ нему, и даже въ срединѣ разговора. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ присовокупилъ слѣдующія замѣчательныя слова:

— «Едва повѣряя, что я нивъ какомъ случаѣ не могъ разстаться съ этимъ крестомъ; однако жъ это сущая правда. Я никогда не соглашался отдать его ни матери, ни сестрѣ своей, которыя просили его у меня по возвращеніи моемъ въ Англію: этотъ крестъ данъ мнѣ былъ на память Пріоромъ Францискановъ, живущимъ въ Діогеновой башнѣ въ Аѳинахъ. Предобрый этотъ монахъ очень любилъ меня; когда онъ узналъ, что я готовился къ отъѣзду, то крайне опечалился.—«Не забываете меня, Милордъ», сказалъ онъ, прощаясь со мною: «выберите изъ всѣхъ моихъ скудныхъ пожитковъ то, что вамъ понравится, и берегите на память объ отцѣ Бернадѣ».—Я указалъ рукою на Распятіе, бывшее на немъ, и спросилъ, не отдастъ ли онъ мнѣ его. Добрый Пріоръ такъ былъ обрадованъ моимъ выборомъ, что слезы навернулись у него на глазахъ. Онъ былъ человекъ истинно-вѣрующій. Съ тѣхъ поръ я ни на минуту не покидалъ сего Распятія. Скажу вамъ даже, что однажды, когда мнѣ показалось, будто бы я потерялъ его, я былъ самъ не свой: меня это мучило.... И вотъ наконецъ, предсказаніе отца Бернарда сбывается; мнѣ должно ѣхать въ Грецію, и пр.»

Анекдотъ сей находится въ одной любопытной книгѣ о Лордѣ Байронѣ, изданной въ Лондонѣ Г-мъ де-Сальво, который присовокупляетъ, что Распятіе сіе отыскано по кончинѣ благороднаго Лорда въ его портфель, лежавшемъ подлѣ его смертнаго одра. Князь Маврокордато отослалъ оное къ наслѣдникамъ Байрона вмѣстѣ съ его *Альбомомъ* и бумагами. Оно теперь въ рукахъ Гобгоуза.—Прибавимъ, что если въ этомъ случаѣ вмѣшивалось отчасти и суевѣріе, то все-таки видно, что вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона *скептицизмъ*, выказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть, даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своепріемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной.

Судьба этой статьи весьма странная. Въ нѣкоторыхъ прежнихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина (отъ дополнительнаго тома анненковскаго изданія, 1857 г., до втораго ефремовскаго, 1882 г.) она напечатана подъ заглавіемъ: «Анекдотъ о Байронѣ». Анненковъ внесъ ее въ свое изданіе по указанію нѣкаго литератора еще пушкинской эпохи А. Грена, писавшаго, что будто бы Пушкинъ въ 1821 г. подарилъ подлинникъ этой статьи поэту В. Г. Теплякову. «Весь этотъ разсказъ оставляемъ на отвѣтственности г. Грена», заявилъ Анненковъ, но статья показалась ему принадлежащей Пушкину, и онъ, не обративъ вниманія на то, что въ ней говорится о смерти Байрона, который въ 1821 г. еще былъ живъ, и только замѣтивъ совпаденіе высказанныхъ въ ней взглядовъ съ тѣмъ, что говорилъ Пушкинъ въ періодъ изданія «Литерат. Газеты», рѣшилъ: «полемиическое начало ея придѣлано позднѣе... Біографическая важность этой статьи, вѣроятно, будетъ усмотрѣна всѣми. Пушкинъ писалъ *о себѣ*, когда говорилъ: «Онъ (человѣкъ) можетъ по произволу надѣвать на себя личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто по какому-либо своенравному убѣжденію ума своего онъ можетъ выставлятъ на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія»... и проч.» (Сочин. П-на, изд. Анненкова, VII, ч. I, 21; ч. II, 123—124).

Анненковъ ошибся, но лишь отчасти, и въ главномъ ему не измѣнили ни тонкое литературное чутье, ни превосходное пониманіе Пушкина. Большую осторожность проявилъ Ефремовъ, но она-то и отвела его въ сторону отъ истины. Разсказъ Грена о Тепляковѣ и 1821 годѣ, конечно, вздоръ, и Гренъ просто списалъ изъ «Литерат. Газеты» статью, которую помѣстилъ въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» 1857 г., сочинивъ при этомъ никогда не случившуюся исторію. Этотъ Гренъ, вообще, былъ личностью довольно темной и довѣрія не заслуживалъ. Еще въ 1830 г. онъ былъ уличенъ въ плагиатъ (см. Сочин. П—на, изданіе Ефремова, 1880 г., V, 523). Впослѣдствіи онъ сочинялъ письма Пушкина къ фантастической «бѣдной вдовѣ», къ Дельвигу, къ никогда не существовавшей «княжнѣ Абамелекъ» или записку Боратынскаго къ Пушкину (см. «Труды и дни П—на», изд. 2-ое, стр. 348). Всѣ эти упражненія такъ ничтожны и жалки, что никою не могли ввести въ заблужденіе и лишь характеризовали самого неудачника-мистификатора. Личность Грена и нелѣпое приуроченіе къ 1821 г. анекдота, который могъ быть узнанъ лишь по смерти Байрона (1824 г.), заставили изслѣдователей быть сугубо осторожными, и въ слѣдующія изданія скомпрометированная Греномъ статья уже не попала (см. изд. литерат. фонда, V, 263; П. Ефремовъ, «Мнимый П—нъ»—«Нов. Время» 1903 г., № 9851). Никому не пришло въ голову посчитаться не съ Греномъ, который, извлекая статью изъ «Литерат. Газеты», вѣроятно, и не задумывался, подлинный ли это Пушкинъ, или нѣтъ,—а съ самой статьею. С. И. Пономаревъ въ своемъ «Указателѣ сочиненій кн. П. А. Вяземскаго», (Сборникъ Отд. русск. яз. и словесн. И. Акад. Наукъ, т. XX, № 5, стр. 88) приписалъ ее Вяземскому, но Пономаревъ—источникъ ненадежный. Такъ, нѣкоторыя сочиненія имъ предположительно отнесены къ Вяземскому (напр.,

№ 7, № 291, № 377, № 380); немало у него ошибокъ. Самъ Вяземскій никакихъ библиографическихъ указаній не далъ.

Однако—по полету виденъ орелъ. Внимательный анализъ статьи убѣждаетъ, что авторомъ ея могъ быть только Пушкинъ. Нельзя не узнать его стили, его пафоса, его завѣтныхъ убѣжденій и литературныхъ взглядовъ. Ни лѣнивый и посредственный Дельвигъ, ни сухой Вяземскій, ни журнальный чернорабочій Сомовъ, и никто изъ представителей пушкинскаго круга не могъ написать этихъ строкъ,—а только одинъ Пушкинъ, и Анненковъ вѣрно замѣтилъ, что онъ говоритъ здѣсь *pro domo sua*. Еще такъ недавно Булгаринъ писалъ, что Пушкинъ поклоняется «болѣе усердно Бахусу и Плутусу, нежели музамъ», что онъ «бросаетъ рюмами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобы позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ... мараетъ бѣлые листы на продажу, чтобы спустить деньги на крапленныхъ листахъ», что у него «одно господствующее чувство—суетность». Пушкинъ не отвѣчалъ прямо на эти недостойныя обвиненія, заявленныя въ формѣ весьма прозрачной аллегоріи. Его не злили, а какъ писателя и гражданина возмущали эти наглые выходки, но онъ черпалъ утѣшеніе въ сознаніи, что такова писательская доля: «дружина ученыхъ и писателей стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла». Въ этой борьбѣ, находилъ онъ, воспитывается общественное мнѣніе, «мало по малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина». Съ высказаннымъ здѣсь убѣжденіемъ вполне совпадаетъ начало статьи о Байронѣ.

Далѣе мы встрѣчаемъ вполне пушкинское пониманіе «толпы» «черни» и защиту того душевнаго цѣломудрія, которое иногда заставляетъ глубокую натуру скрывать за наружными странностями и кажущимися пороками свои лучшія стороны—и сердечную доброту, и горячую вѣру. Защищая Байрона отъ обвиненія въ безвѣрїи, Пушкинъ защищалъ и себя, и не кощунственна была та панихида, которую заказалъ онъ деревенскому попу «за упокой раба Божія боярина Георгія». Этимъ поступкомъ, какъ впоследствии статья о Байронѣ, нашъ поэтъ обнаружилъ истинное «хранилище своихъ помысловъ»,—но какъ часто шелъ онъ «вопреки убѣженію внутреннему, вѣрѣ душевной», и какъ горько платился за «временное своенравіе ума!» Тѣмъ вѣрнѣе и сочувственнѣе понималъ онъ это въ великомъ англійскомъ поэтѣ.

Все, что говорится здѣсь о Байронѣ, цѣликомъ сходится съ тѣмъ, что высказывалъ Пушкинъ о немъ всегда, и въ бесѣдахъ, и въ перепискѣ, и въ печати. Въ статьѣ 1836 г. «Мнѣніе М. Е. Лобанова» («Современникъ», III) Пушкинъ вспомнилъ отзывъ Соути о «сатанинской» литературѣ. Книга Сальво сохранилась въ библиотекѣ Пушкина («П-нъ и его современники», IX—X, 329—330).

V.

Изъ № 60, 23 октября, стр. 193—195:

La Confession, par l'Auteur de l'Ane mort et la femme guillotinée (Исповѣдь. Сочиненіе Автора книги: Мертвый оселъ и казненная женщина).—Парижъ, 1830, 2 тома (въ 1-мъ томѣ XLII—190, во 2-мъ т. 192 стран. въ 12-ю д. л.).

Эпиграфъ сей книги, взятый изъ Шекспирова Гамлета: *Man delights not me, nor woman neither* (человѣкъ не веселитъ меня; женщина также), уже довольно ясно выражаетъ цѣль Сочинителя, изложенную имъ пространнѣе въ длинномъ Предисловіи. Здѣсь указываетъ онъ на равнодушіе нашего вѣка ко всему, особливо къ предметамъ и правиламъ Вѣры. Съ нѣкоторыми сужденіями его нельзя не согласиться. Онъ говоритъ, напримѣръ, что наша эпоха, въ нравственномъ смыслѣ, не слишкомъ вдохновительна для Писателей; и это совершенно справедливо. Изувѣрство, и самое даже безвѣріе, заключаютъ въ себѣ обильную пищу для воображенія Поэта и Романиста; но равнодушіе, и такъ сказать, *безстрастіе* къ вѣрованію, ослабляя впечатлѣніе предметовъ духовныхъ, холодитъ воображеніе даже самое изобрѣтательное и пылкое.

Другая замѣчательная мысль сего Предисловія, выраженная въ остроумной шуткѣ, относится къ общей наклонности современныхъ намъ Писателей, или лучше сказать, къ общему потоку, увлекающему за собою и Эпиковъ, и Трагиковъ, и Романистовъ нашего вѣка. Читатели можетъ быть уже догадались, что здѣсь идетъ дѣло о *наклонности оживить вѣки минувшіе*, преданія и повѣрья старины, нравы, обычаи и предразсудки разноплеменныхъ предковъ нынѣшняго Европейскаго поколѣнія. Авторъ говоритъ, что для Писателей нашей эпохи ничего не осталось новаго, что они должны поневолѣ повторять, или, какъ онъ выражается, *изобрѣтать* старое. Но послушаемъ его самого.

«... Настаетъ время честолюбія. Писатели наши (Французскіе) уже не довольствуются передѣлываніемъ; они хотятъ создать что-нибудь, и изобрѣтаютъ—угадайте, что? То, что уже сдѣлано за нѣсколько столѣтій: средніе вѣки. Возстаньте, башни, высокія колокольни, гробницы, украшенныя гербами! Проснитесь, Рыцари и Клирики! Вотъ, что теперь изобрѣтаютъ! Какъ будто у насъ нѣтъ Фруассара, Рыцаря Жуанвиля и старинныхъ повѣстей (*fabliaux*)!— Но что дѣлать? Это, можетъ стать, начало изобрѣтенія.

«Послѣ *изобрѣтенія* среднихъ вѣковъ, изобрѣтаютъ Испанію; да, Испанію, Гренаду, Кордуу, Мавровъ, всю Исторію г. Флоріана, *Гонзалва Кордуанскаго*,—и мало ли чего? Гораздо прежде однако же всего этого, были изобрѣтены *Романсы о Сидѣ*.

«Не думайте, чтобъ на томъ только и остановились. Изобрѣта Испанію, изобрѣтаютъ и Востокъ; его золотые города, его мечети, гаремы, Суламитъ, Босфоръ, опиумъ и розовое масло. Видно, позабыли *Тысячу и одну ночь* и *Глури*.

«Я забылъ сказать, что въ промежуткахъ времени изобрѣли также Россомахъ, Ларвъ, Гномовъ, Саламандръ, Вампировъ, всѣ

сказки Перро (Perrault), удивительныя, образцовыя творенія нашего Перро!....

«Когда ничего уже не осталось изобрѣтать въ содержаніи, тогда начали изобрѣтать въ формахъ; создали языкъ, имѣющій болѣе силы, нежели языкъ XVII-го вѣка; *изобрѣли* Ронсара и переносы изъ одного стиха въ другой: это было превосходное изобрѣтеніе Дюбаргаса (*):

«Послѣ сего вздумали *изобрѣсти* Театръ: дѣло было самое легкое; четыре скамьи Французскаго Театра оставались незанятыми, и вѣрно бы отдали ихъ покойнику Скаррону, когда бы онъ еще здравствовалъ. Сначала выказался изъ толпы Поэтъ, изобрѣтшій предложеніе и сперва сказавшій самъ себѣ: «Будетъ и мой вечеръ,» а послѣ напечатавшій: «Былъ и мой вечеръ»; потому что онъ *изобрѣлъ* Шекспирова *Отелло*, изъ сцены въ сцену; не скажу: слово въ слово, чтобы не прогнѣвить тѣнь твою, великій Вильямъ!

«Вы знаете, какое было послѣднее и величайшее изъ всѣхъ сихъ изобрѣтеній: трагедія, блестящая прекрасными стихами и варварскими выраженіями, но сочиненная вся на воспоминаніяхъ, прикидывающаяся къ старому отцу старинной трагедіи. Право, на этотъ разъ ничего не было новаго, кромѣ партерра; и клянусь еще, вы бы это замѣтили по восклицаніямъ и волямъ удивленной толпы, между тѣмъ какъ ложи слушали съ безмолвнымъ изумленіемъ и печалью.»

Сочинитель сознается, что и онъ, увлекаясь симъ общимъ стремленіемъ подражать, или выдумывать старое за-ново, подражалъ въ своей книгѣ сказкамъ Кребиллона (сына): ибо и Кребиллонъ, по его мнѣнію, въ разсказахъ своихъ изображалъ духъ своего вѣка и нравы своихъ современниковъ, хотя иносказательно.

Что сказать о самой повѣсти, романѣ, или еще, предложимъ новый вопросъ: какъ назвать этотъ родъ сочиненій? Мы, впрочемъ, не станемъ вооружаться изключительною строгостью нѣкоторыхъ журнальныхъ нашихъ Критиковъ, которые рѣшительно отвергаютъ всякій новый родъ произведеній, не признанный и не узаконенный школьными Риториками и Піитиками.

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux;

и мы совершенно согласны съ этимъ миролюбивымъ правиломъ. Между тѣмъ, чтобы познакомить читателей съ разсматриваемою нами книгой, выписываемъ ея содержаніе, которое, благодаря простотѣ и немногосложности его, можетъ помѣститься въ немногихъ строкахъ.

Анатоль, сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей, по желанію ихъ намѣренъ жениться. Но Анатоль разборчивъ, и гораздо прихотливѣе *Разборчивой невѣсты* въ басняхъ Крылова. Правда, въ невѣстахъ, которыхъ ему предлагаютъ, ему не то бросается въ глаза, что у каждой изъ нихъ.

(*) Старинный Французскій Поэтъ, написавшій поэму: *La Semaine (Седьмица мірозданія)*, и отличавшійся странною натяжкой звукоподражательныхъ словъ, на пр. въ описаніи полета и пѣнія жаворонка. *Пр. Переводч.*

То носъ широкъ, то брови густы,
Тутъ этакъ, тамъ не такъ;

но онъ строго разсматриваетъ ихъ нравъ и душевныя качества, и ни одна изъ нихъ не приходитъ ему по сердцу. Анатолю въвѣряется, наконецъ, будущую свою судьбу выбору своей матери. Его посылаютъ, безъ всякаго предупрежденія, въ одинъ сосѣдній замокъ. Тамъ онъ видитъ молодую дѣвушку прелестную, невинную, рѣзвую—дитя въ полномъ значеніи слова; и это дитя одарено умомъ, талантами, тою обворожительною измѣнчивостію разположенія духа и ощущеній, кои въ одномъ лицѣ совокупляютъ цѣлый міръ приманокъ разнообразныхъ. Это была невѣста Анатоля. Торѣва, то степенна, то легкомысленна, то разсудительна и вкрадчива—она плѣняетъ всѣхъ, плѣняетъ и Анатоля. Предложеніе его принято; день брака назначенъ; служитель алтаря благословилъ новобрачныхъ—и свадебный пиръ зашумѣлъ. Анна, супруга Анатоля, кружится въ бѣшеномъ вальсѣ съ однимъ пригожимъ мужчиной; она не обращаетъ вниманія на своего мужа, еще прежде сватъбы огорченнаго ея легкомысленнымъ желаніемъ имѣть мужа придворнаго и право ѣздить ко Двору. Теперь все досадно Анатолю: и музыка Россини, разыгрываемая неискуснымъ оркестромъ, и невниманіе жены, отъ души вертящейся въ вальсѣ, и видъ нарядной старухи, желающей казаться молодою, и звонъ денегъ, перебрасываемыхъ игроками. Онъ думаетъ объ отвѣтственности своей за честь жены, думаетъ, какъ тяжка сія обязанность, думаетъ о прежней своей свободѣ... Все это еще пуще взрываетъ его досаду. Наконецъ, балъ кончается въ пять часовъ утра; Анатолю идетъ съ своею новобрачною, но она, какъ усталое отъ рѣзвостей дитя, засыпаетъ на ложѣ брачномъ. Черныя мысли еще сильнѣе мутятъ душу Анатоля: онъ простираетъ руки и вмѣсто нѣжныхъ объятій, удушаетъ юную свою супругу. Здѣсь начинаются его угрызенія. Онъ ищетъ освободиться отъ нихъ, завидуетъ казни осужденныхъ, бродитъ, какъ тѣнь. Наконецъ хочетъ прибѣгнуть къ утѣшеніямъ вѣры, ищетъ себѣ исповѣдника—и дѣлается столь же разборчивымъ кающимся грѣшникомъ, какъ прежде былъ женихомъ. Всѣ исповѣдники не по немъ: всѣ они дѣти своего вѣка, волнуемаго сомнѣніемъ, лишеннаго теплоты вѣры. Таинственный исповѣдникъ приходитъ ночью къ Анатолю: сочинитель не сказалъ, кто былъ сей исповѣдникъ; но читателю позволено догадываться, что это было существо не чело-вѣческой породы. Кто именно? другой вопросъ, который трудно рѣшить; таково, кажется, и было намѣреніе автора. Анатолю исповѣдуются отъ души сему таинственному исповѣднику, сему грозному судіи дѣлъ и помысловъ; «и когда Священникъ всталъ, Анатолю все еще былъ тамъ же на колѣняхъ, съ сложенными руками, съ мутнымъ и бродящимъ взоромъ, какъ пораженный громомъ.... Родители Анатоля принуждены были запереть его на полгода въ домъ сумасшедшихъ. Теперь ему лучше: онъ веселъ безъ улыбки, счастливъ безъ блеска, румянъ, полнотѣлъ. Совѣсть угрызаетъ его только тогда, когда онъ порою пропуститъ службу церковную. Онъ постригся въ духовный чинъ». Тѣмъ кончается и вся повѣсть о немъ.

Главнѣйшее искусство сочинителя, еще яснѣе обличающееся въ первомъ его произведеніи: *L'âne mort et la femme guillo-*

tinée, состоитъ въ равнодушномъ разсказѣ событій самыхъ ужасныхъ, въ холодномъ описаніи предметовъ, возмущающихъ душу. Для него, по видимому, нѣтъ ничего страшнаго, ничего умилительнаго, ничего отвратительнаго. Симъ то, кажется, онъ хотѣлъ выразить духъ современнаго поколѣнія, прошедшаго чрезъ всѣ крайности, извѣдавшаго всѣ ужасы охладѣвшаго ко всему и на все взирающаго съ безстрастіемъ фаталиста Мусульманскаго. Мы не скажемъ ничего въ похвалу сей цѣли: благороднѣйшее стремленіе писателя, по нашему мнѣнію, должно состоять въ томъ, чтобы давать возвышенное направленіе своему вѣку, а не увлекаться его странностями и пороками. Въ противномъ случаѣ, мы въ созданіяхъ ума и воображенія будемъ встрѣчать ту же прозу жизни, къ которой приглядѣлись уже въ обыкновенномъ нашемъ быту; и отъ сего міръ житейскій и міръ фантазіи сольются для насъ въ одну непрерывную, однообразную цѣль ощущеній давно знакомыхъ, давно извѣданныхъ и уже наскучившихъ намъ безконечными своими повтореніями.

Но мы должны отдать полную справедливость автору, что онъ умѣетъ живо схватывать черты, едва замѣтныя, ощущенія самыя легкія, и передаетъ ихъ вѣрно, хотя и хладнокровно, вмѣстѣ съ тѣми, кои по свойству своему гораздо глубже и сильнѣе, и которыя рѣзко обозначаются подъ перомъ его. — Таковы, напр., изображеніе Анны, юной невѣсты Анатоля; описаніе свадебнаго бала и послѣдовавшей за нимъ ужасной катастрофы; наконецъ, мученія совѣсти въ молодомъ убійцѣ и. т. п. (*). Замѣтимъ еще, что сочинитель говоритъ, будто бы писалъ сію книгу не готовляясь, не обдумывая, а просто пускалъ бродить по волѣ и мысли, и перо свое: этимъ намекомъ, кажется, хотѣлъ онъ подшутить надъ легковѣріемъ нѣкоторыхъ читателей; ибо въ сочиненіи его, при всей неправильности хода, видѣнъ планъ обдуманнѣйшій и намѣреніе, ясно выражающееся въ цѣломъ.

«Зачѣмъ» — писалъ еще въ январѣ 1830 г. Вяземскій Пушкину — «не помѣститъ хорошей рецензіи иностранной на какую-нибудь новую замѣчательную книгу?» Исполненіемъ этого желанія представляется намъ рецензія на «Confession», новый, прошумѣвшій въ Европѣ, романъ Ж. Жанена, недавно прославившагося «Мертвымъ осломъ и казненной женщиной». Нельзя сомнѣваться, что эта рецензія принадлежит Пушкину. Высказанное въ ея началѣ о нравственномъ равнодушіи современнаго поколѣнія — твердое убѣжденіе Пушкина, недавно писавшаго въ «Онѣгинѣ» о современной литературѣ,

Въ которой отразился вѣкъ,
И современный челоуѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньямъ преданной безмѣрно,
Съ его овлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствиіи пустомъ...

(*) Въ сл. № нашей Газеты помѣстятся нѣкоторые изъ сихъ отрывковъ.

Пушкинъ привѣтствовалъ (въ 1 № «Лит. Газеты») издаваемый Вяземскимъ переводъ романа Бенжамена Константа «Адольтъ», герой котораго именно такой «современный человекъ». Съ Анатолемъ, который «строго разсматриваетъ нравъ и душевныя качества невѣсть, и ни одна изъ нихъ не приходитъ ему по сердцу», мы встрѣчаемся въ черновомъ наброскѣ Пушкина, относящемся къ той же эпохѣ:

«Тебя пою на томной лирѣ,
Но гдѣ найду мой идеаль,
И кто пойметъ меня въ семь мѣрѣ?»
— Но Анатоль не понималъ...

Набросокъ этотъ (см. Сочин. П-на, изд. Венгерова, II, стр. 502; V, прим. № 569), очевидно, навѣянь «Исповѣдью» Ж. Жанена; къ тому же, Пушкина самого тогда занимали мысли о бракѣ. Нашъ поэтъ высоко цѣнилъ французскаго писателя. По поводу «Мертваго осла» онъ писалъ княгинѣ Вяземской: «vous avez raison de trouver l'Ane dé licieux, c'est un des ouvrages les plus marquants du moment». Обѣ обоихъ этихъ романахъ (и еще обѣ одномъ, «Вагначе») онъ собирался писать впоследствии (см. сочин. П-на, изд. Венгерова, V, 433, № 1025). Но направленію, къ которому примыкалъ Жанень, Пушкинъ не сочувствовалъ. Его душѣ были вообще противны «равнодушный разсказъ событій самыхъ ужасныхъ, холодное описаніе предметовъ, возмущающихъ душу». Появленіе записокъ палача Самсона вызвало у Пушкина жалобу на «безнравственность нашего любопытства», на «жажду новизны и сильныхъ впечатлѣній», и даже въ «Послѣднемъ днѣ осужденнаго» Гюго Пушкинъ увидѣлъ «грязь», т. е. ужасъ надрывающаго душу сюжета. Защищая въ 1836 г. русскую литературу отъ обвиненій, выдвинутыхъ М. Е. Лобановымъ (назван. выше статья), Пушкинъ поставилъ ей въ заслугу, что на нее не вліяли писатели вроде Жанена, и повторялъ: «для удовлетворенія публики, всегда требующей новизны и сильныхъ впечатлѣній, многіе писатели обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ, мало заботясь обѣ изящномъ, обѣ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи»... Это тѣ же мысли, которыя проводятся въ статьѣ обѣ «Исповѣди» Жанена. Ясно, что только Пушкинъ могъ быть ея авторомъ. Ни у кого другаго въ данную эпоху мы не найдемъ выраженія этихъ литературныхъ воззрѣній.

Быть можетъ, со временемъ отыщутся вполне точныя, строго-документальныя подтвержденія нашихъ выводовъ. Но и безъ такихъ данныхъ невозможно приписывать не Пушкину, а кому-нибудь другому извлеченныя нами изъ «Литерат. Газеты» статьи. Онѣ слишкомъ значительны по проведеннымъ въ нихъ взглядамъ, чтобы могли принадлежать рядовому литератору,—а тогдашняя литература вообще ничего подобнаго не высказывала,—слишкомъ близко совпадаютъ и съ убѣжденіями Пушкина, и съ нѣкоторыми эпизодами его писательской карьеры, слишкомъ ясно чувствуется въ нихъ его трезвый, цѣломудренный стиль. Двухъ Пушкиныхъ не было!

Н. Лернеръ.